

Денильханов Асланбек Хаважович**Denilkhanov Aslanbek Khavazhovich**

кандидат политических наук,
доцент философского факультета,
доцент факультета Высшей школы бизнеса
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Faculty of Philosophy,
Higher School of Business (Faculty),
Lomonosov Moscow State University

ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА (ИДЕЯ СЧАСТЬЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

THE ORIGINS OF THE POLITICAL IDEOLOGY OF LIBERALISM (THE IDEA OF HAPPINESS IN LIBERAL POLITICAL THOUGHT)

Аннотация:

В статье представлена история зарождения феномена либерализма, идеологическим контекстом которого явился концепт «счастье». Отмечается, что данная ценностная компонента не так часто являлась предметом научного анализа и политических дискуссий, в отличие от базовых идей либерализма, таких как «свобода», «права личности», «равенство», «парламентаризм» и т. п. Тем не менее научное изучение счастья представляется актуальным, поскольку оно оказало огромное влияние на становление сложного феномена либерализма. Сравнение двух подходов в использовании концепта «счастье» (американского и европейского) позволило автору проследить динамику становления либерализма в России в начале XIX в., который проник в страну из Европы и Америки. По мнению автора, существует необходимость переосмысления истоков либерализма, ввиду того что мир идеологически и геополитически находится в поиске новых идей и опор для развития.

Ключевые слова:

либерализм, американский либерализм, французский либерализм, российский либерализм, счастье, Декларация независимости США, конституция, права человека, свобода, демократия.

Summary:

The research discusses the historical background to the phenomenon of liberalism in the ideological context of the concept of happiness. Previous political studies have investigated the basic ideas of liberalism such as freedom, individual rights, equality, and parliament rather than the above-mentioned value component. Nevertheless, the research on happiness is of high scientific relevance because it has had a huge impact on the establishment of the complex phenomenon of liberalism. Having compared American and European approaches to dealing with the concept of happiness, the author traced the dynamic development of liberalism in Russia in the early 19th century which penetrated into the country from Europe and America. In the author's opinion, there is a need to rethink the origins of liberalism due to the fact that the world tries to find new ideological and geopolitical ideas and support for development.

Keywords:

liberalism, American liberalism, French liberalism, Russian liberalism, happiness, United States Declaration of Independence, constitution, human rights, freedom, democracy.

Сегодня существует большое количество исследований феномена либерализма, что совершенно естественно ввиду его эпохального значения в судьбах всего человечества. Очевидно также, что это фундаментальное явление коррелятивно понятию детерминистской логики исторического развития: такой модели экономических и общественных отношений человечество не могло избежать ни при каких условиях, пройти путь либерализации и капитализации было и неизбежно, и необходимо.

Историческая практика показывает, что сложный феномен либерализма находится в развитии и, как всякое явление действительности, должен пройти стадии зарождения, высшей точки развития и угасания. Последнюю фазу мы, очевидно, наблюдаем в настоящее время. Безусловно, строятся прогнозы относительно трансформации либерального мировоззрения, а значит, и миропостроения в дальнейшем.

На разных этапах исторического развития в научно-политической мысли происходит переоценка основных постулатов либерализма (свобода, права человека, частная собственность, господство права, плюрализм, демократия и т. п.) в зависимости от формы государственного устройства, политической культуры, политического поведения власти и граждан той или иной страны. Как отмечал англо-германский мыслитель Р. Дарендорф, «нет такого состояния, в котором либерализм был бы реализован полностью. Либерализм всегда есть процесс, ...посредством которого исследуются новые возможности для большего числа людей. Каждый раз этот процесс требует новых импульсов для придания ему энергии» [1]. Многие ценности либерализма в той или иной мере воплощены в современных политических институтах, но историческая динамика либерализма периодически меняет приоритеты этих ценностей, побуждая прогрессивное

общество и политическую науку переосмысливать их. Вышеизложенное предполагает необходимость вновь, с учетом новых реалий, возвращаться к осмыслению феномена либерализма, к самым истокам зарождения этого гигантского исторического явления.

В данной статье мы коснемся лишь одного аспекта в идеологическом контексте формирования раннего либерализма – концепта «счастье», который встречается в высказываниях и трудах выдающихся мыслителей, мотивирующих необходимость нового мышления. Конечно, этот концепт не относится к числу базовых, таких как «свобода», «индивидуальные права», «равенство», «парламентаризм» и т. д. Но, появившись у самых истоков либеральной идеологии, концепт «счастье» высвечивает субстанциональную основу первоначальных намерений и стремлений первых либералов.

Само по себе представление о счастье обиходно, оно всем понятно, но ускользает от определений. Можно обратиться к огромному числу лингвистической литературы, посвященной исследованию понимания счастья у разных народов. Современный российский лингвист С.Г. Воркачев описывает этот трудноуловимый для формулировок концепт так: «Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [2, с. 54]. Именно эта ценностная компонента в понимании мира и положения в нем человека оказывала почти решающее влияние на становление идей либерализма. Цивилизованное человечество понималось ранними идеологами либерализма как сообщество равноправных индивидуумов, одинаково достойных и заслуживающих счастья. Всеобщее счастье и было той заманчивой перспективой, к которой следовало стремиться. Все остальные либеральные категории были лишь инструментами для достижения желанной цели. Со временем именно инструменты – свобода политическая, свобода предпринимательства, права человека и т. д. – выдвигались на первый план, становились конкретными задачами и рубежами в распространении либеральных идей сначала в западной культуре, затем и во всем мире, а проблема всеобщего заслуженного счастья отходила на второй план, хотя и оставалась целью. Во всяком случае крупнейший отечественный историк либерализма В.В. Леонтович, уже на позднем этапе характеризуя либерализм как историческое явление, не обошел вниманием и категорию счастья: «Либерализм считает своей целью благополучие и даже счастье человека, а следовательно, расширение возможностей для человеческой личности беспрепятственно развиваться в полном своем богатстве» [3, с. 4].

Либерализм возник как идеология становящегося класса буржуазии, которому для развития было необходимо расширение свободы деятельности, мысли, а со временем и политических прав. Современные исследователи подчеркивают важность интересов отдельного человека уже в раннем либерализме. «Гуманистическое содержание идеологии просветителей заключалось прежде всего в том, что в центр своего внимания они поставили человеческую личность. Отвергнув христианскую догму об изначальной порочности природы человека, они выдвинули тезис о его природной доброте, а значит, и о возможности земного человеческого счастья. Его достижению, по мнению просветителей, должна была служить доктрина естественных и неотчуждаемых прав человека» [4, с. 5–6]. Здесь озвучена важная в свете наших рассуждений мысль: выведя тему изначальной ущербности человеческой природы вследствие грехопадения первых людей (на которой базируются все авраамические религии) в сферу непознаваемой трансцендентности и подчеркивая значение предопределения в развитии мира и отдельного человека, представители «идеологии просветителей» открыли перспективу движения к счастью, т. е. к всемерному благополучию и наслаждению. Не надо бороться, считали они, со своими грехами – следует упорно трудиться, всячески стремясь реализовать способности, данные свыше. А результат труда приведет к имущественному накоплению.

На протестантском понимании мира основывались идеи мыслителей Просвещения, которые легли в основу раннего либерализма. И здесь находит место тема счастья. Горизонты этого счастья в понимании просветителей, развивавших идеи протестантских проповедников, выраительно определяет современный известный французский писатель, относящийся к либеральным интеллектуалам, Паскаль Брюкнер: «Бентам, основоположник английского утилитаризма, выдвигает требование “максимального счастья для максимального количества людей”, Адам Смит видит в желании человека улучшить условия своей жизни печать Божественного, Локк советует избегать *uneasiness*, неудобства, – словом, стремление к земному благополучию представляется всем абсолютно разумным. Какая изумительная вера в возможности человека, в то, что он способен прекратить бесконечные рассуждения о несчастном уделе и обратить свою волю на созидание чего-то нового, то есть лучшего, что наука, образование и коммерция общими усилиями установят на земле золотой век человечества» [5, с. 36]. Не стоит обращать внимания на несколько насмешливую и скептическую интонацию в этом высказывании. В целом позиция мыслителей-рационалистов относительно судеб людей в мире изложена сжато и верно: необходимо

стремиться к радости и всячески избегать страданий. Собственно, Иеремия Бентам говорит об этом: «Мы ищем наслаждения и избегаем неудовольствия, ищем здоровья, счастья, довольства, веселья и избегаем болезни, страдания, нужды и горя. <...> Принцип, лежащий в основании такого закона, управляющего человеческими действиями, переводится одним общим словом – польза» [6, с. XXX]. Счастье у него стоит в одном ряду с наслаждением. По его мнению, «первым и главным источником наслаждения служат наши внешние чувства; и к ним относим мы более или менее косвенно остальные виды наслаждений. Самый ближайший вид наслаждения, ... составляет наслаждение, доставляемое нам сознанием материального достатка или богатства, состоящее в сознании возможности избежать всегда известных внешних лишений и доставить себе возможное разнообразие внешних наслаждений через приобретение необходимых вещей или направление в свое удовольствие чужого труда» [7]. Таким образом, И. Бентам говорит о необходимости достижения счастья индивидуумом, в том числе и за счет чужого труда.

Мы не касаемся сложных подходов мыслителей этой поры, и в частности И. Бентама, к проблеме общественной дифференциации, которая рассматривалась как сложная и многоуровневая. Нам важно подчеркнуть, что в понимании мыслителя путь к счастью может и должен быть индивидуален. Подтверждением данного тезиса служит следующее высказывание И. Бентама: «Интерес общества есть одно из самых общих выражений, какие только встречаются во фразеологии нравственного учения: не удивительно, что смысл его часто теряется. <...> Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица» [8]. Либеральный индивидуализм был в тот период своего рода концепцией борьбы против политического диктата.

Проблема индивидуальной свободы и стремление человека к счастью являются краеугольным камнем и в политической философии Джона Локка, который апеллировал к естественному состоянию общества. Естественное состояние, по его мнению, характеризуется тем, что человек свободен располагать собой без чьего-либо вмешательства в его личное пространство, будь то государство или общество. «[Человек] не должен, – пишет он, – кроме как творя правосудие по отношению к преступнику, ни лишать жизни, ни посягать на нее, равно как и на все, что способствует сохранению жизни, свободы, здоровья, членов тела или собственности другого» [9, с. 8]. Наряду с другими естественными правами (на жизнь, свободу, собственность) поиск счастья и желание избежать страданий, по мнению Дж. Локка, для человека также являются естественным стремлением.

Философия Дж. Локка сыграла исключительно важную роль в становлении раннего либерализма, а затем и идеологических основ американского государства. Рассматривая влияние идей Дж. Локка на американский либерализм, российский историк С.А. Исаев пишет: «Близость или совпадение Локка и отцов-основателей США разумелись сами собой давно, но уже в 1955 г. Луис Харц заявил об этом в крайней форме. <...> Увлечение учением Локка, которое на Западе было в целом рациональным, в Америке стало иррациональным. <...> В 1959 г. Карл Л. Беккер заявил, что “большинство американцев усвоили работы Локка как нечто вроде политического евангелия”» [10, с. 195]. Далее С.А. Исаев, проведя подробный и убедительный компаративистский разбор взглядов Дж. Локка и конституционных принципов Декларации независимости, приходит к выводу: «Отцы-основатели США разделяли религиозно-этические основы мировоззрения Локка. Заимствование из Локка осуществлялось выборочно, и все, что связано с собственностью, подвергалось кардинальному перетолкованию» [11].

У другого исследователя американского либерализма А.В. Валюженича мы находим уточнение: «...у этого основоположника классического либерализма имелись такие определения собственности: “...тот же закон природы, который дает нам собственность, ...ограничивает размер собственности” таким образом, что человек пользуется ею только с целью “наслаждения”. Но, добавлял Локк, “все, что превышает его долю, принадлежит другим”. Кроме того, Локк определяет собственность как сумму товаров, созданных трудом непосредственного производителя. Иначе говоря, Локк выступал в защиту собственности, имевшей функциональный характер» [12, с. 13–14].

С рациональной точки зрения это является правильным. Но американские мыслители середины XX в. говорят о пафосе, идейном и эмоциональном горизонте, об именно американском соединении мечты, горизонта поиска счастья и концептуально рациональных подходах к реальности. В этом смысле они единодушны с Томасом Пейном – одним из идеологов Американской революции, прозванным «крестным отцом США». Т. Пейн утверждал, что главными среди неотчуждаемых прав личности являются «все интеллектуальные и духовные права, а равно и право человека добиваться своего счастья и благосостояния, если это не ущемляет естественных прав других» [13, р. 275–276].

Нам важно то, что в середине XX в. в Америке декларировалось родство именно с истоками либеральных идей, что отцы-основатели стремились построить свое государство на базе широкой гуманистической идеи. Томас Джефферсон, один из авторов Декларации независимости (третий президент США), основывая свои представления о путях развития страны, опирался

именно на гуманитарную, а вследствие этого и демократическую составляющую часть философии Дж. Локка. «Идейная позиция, занятая Джефферсоном в период Американской революции, вобрав в себя богатейшее теоретическое наследие европейского и американского Просвещения, испытала сильнейшее воздействие радикальных движений революционной эпохи с их стихийным эгалитаризмом. Это во многом обусловило радикальную трактовку Джефферсоном доктрины естественных и неотчуждаемых прав человека. Принцип ограниченной частной собственности, доминирующий в классической локковской триаде естественных прав, был заменен другим постулатом – стремлением человека к счастью» [14, с. 9].

Т. Джефферсон предлагал расширить избирательные права на все свободное мужское население страны, сократить репрессивные возможности властных структур, проводить выборы на основе принципов прямой демократии. Такому пониманию вполне соответствует второй абзац Декларации независимости: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди сотворены равными; что они наделены своим Создателем определенными неотчуждаемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, чья справедливая власть зиждется на согласии управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления нарушает этот принцип, народ вправе изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и такой организации власти, какие, по мнению народа, более всего могут способствовать его безопасности и счастью» [15]. Концепт «счастье» нашел свое место в столь авторитетном и фундаментальном документе. Примечательным является также то, что в этом документе традиционная для XVIII в. триада естественных прав человека «жизнь – свобода – собственность» была сформулирована иначе: «жизнь – свобода – стремление к счастью» [16].

Другие крупные политические деятели, стоявшие у основания государства, – Джон Адамс, второй президент США, и Александр Гамильтон, первый министр финансов США, – придерживались иной точки зрения. Они настаивали на неограниченной частной собственности и непрямым, косвенным выборам, осуществляемым при посредстве выборщиков, т. е. настаивали на прагматическом, соответствующем историческому моменту решению важных проблем.

В результате развития американской государственности и естественного, вызванного накоплением практического опыта уточнением формулировок стало понятно, что концепт «счастье» практически недоступен для юридического обоснования. Оказалось, что это слишком личное определение индивидуального блага. Разные люди видят свое счастье в разных обстоятельствах: кто-то в творчестве, кто-то в бизнесе, кто-то в частных отношениях, в общественной атмосфере благостности и т. п. Потому, задекларировав претензию сделать всех счастливыми, власти США невольно поставили себя в скользкую ситуацию невыполнимых обещаний. Было ясно, что Декларация независимости слишком расплывчата, хотя и утверждена конгрессом.

Воспользовавшись отсутствием Т. Джефферсона, который находился во Франции, государственные деятели разработали проект конституции, в котором были сокращены положения о правах человека и отсутствовал концепт «счастье». Однако Т. Джефферсон настоял на десяти поправках к конституции, касающихся свободы слова, печати, совести, права на суд присяжных, на ношение оружия и др. Они известны как «Билль о правах». Проблемное положение о счастье не вошло в эти поправки, однако идеологический посыл о желательности и, главное, возможности обеспечить счастье всем находил приверженцев далеко за пределами Американского континента. Нам особенно интересна реакция российского императора Александра I на фигуру Т. Джефферсона и его идеи. Император относился к американскому президенту с глубоким уважением и просил Фредерика Лагарпа, своего воспитателя и человека, пользовавшегося у него неизменным авторитетом, познакомить их заочно. В первом письме император благодарил Т. Джефферсона за присланные сочинения, касающиеся его страны, вызвавшие у него большой интерес, и отмечал: «Если бы это чтение могло его увеличить, оно бы лишь удвоило удовлетворение, с каким я вижу, что его счастье вверено Вашему патриотизму» [17, с. 91–92]. В другом письме он писал: «Я всегда питал высокое уважение к Вашему народу, который сумел воспользоваться своей независимостью, выработав себе свободную и мудрую конституцию, обеспечивающую счастье всех и каждому в отдельности» [18, с. 260–261]. В 1804 г., когда было написано это письмо, император был воодушевлен идеями конституции, которая обещала гражданам (а не подданным) всеобщее счастье. Об увлеченности императора идеальным устройством американского государства вспоминает А.С. Пушкин, который в 1934 г. писал в своем дневнике, что император «...писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку» [19, с. 39].

Официальный текст Американской конституции выдержан в строгих юридических формулировках. Но концепт «счастье» не мог исчезнуть из практического политического дискурса Американского государства просто потому, что именно в поисках счастья для свободного, избранного

Богом человека первые пуритане и отправились в трудное путешествие для освоения новых земель. По существующей государственной мифологии, в 1630 г. Джон Уинтроп, выдающийся пуританский деятель, ставший губернатором Колонии, выступил с проповедью, в которой призывал основать «город на холме». Он начертил образ прекрасного города, где каждый получит право и возможность построить счастливую жизнь. Надо только придерживаться библейского учения. Естественно, со временем мечта обрела форму права, данного Богом. Это и отразилось в Декларации независимости, в которой Т. Джефферсон утверждал, что каждый свободный колонист имеет право на «свободную жизнь и стремление к счастью».

Идея стремления к заслуженному счастью со временем обрела форму «американской мечты», которая была сформулирована писателем и публицистом Джеймсом Адамсом в книге «Эпос Америки», вышедшей в 1931 г. Он писал о стране, в которой каждый должен получить возможности для своего роста, которые и обеспечат успех. В формуле «американской мечты» получила завершение идея американской исключительности. К самореализации в пространстве «американской мечты» должны стремиться все социально активные люди.

Таким образом, концепт «счастье» был актуален на раннем этапе становления англо-саксонского либерализма, на основе которого формировался и ранний американский либерализм. В этой культурной парадигме счастье представлялось гармоничным благополучием, уравновешивавшим социальный дисбаланс принципиальным равенством прав и удовлетворением потребностей.

Иное качество концепта «счастье» обнаруживается в раннем французском либерализме. Выдающиеся писатели Просвещения Вольтер, Жан-Жак Руссо полагали счастье иллюзией, а реальность оставляли за страданиями и постоянным трудом. Устремляться должно было только к свободе. Наиболее определенно эта мысль выражена у француженки-швейцарского писателя, публициста, известного политического деятеля Французской революции Бенжамена Констана: «Носители власти не упускают случая склонить нас к этому. Они с такой готовностью спешат избавить нас от любых хлопот, за исключением уплаты налогов и послушания. Они могли бы сказать нам: “Какова в сущности цель всех ваших усилий, что побуждает вас к трудам, являясь предметом чаяний? Разве не счастье? Позвольте же нам создать счастье, и мы вам его дадим!” Нет, господа, мы не позволим вам это сделать! Сколь трогательной ни была бы ваша забота, попросим власть оставаться в своих рамках. Пусть она ограничится тем, что будет справедливой, мы же позаботимся о собственном счастье. Сможем ли мы быть счастливыми благодаря нашим благам, если эти последние будут отделены от гарантий? И где мы найдем эти гарантии, если откажемся от политической свободы? Отказ от нее, господа, сродни намерениям безумца построить на песке дом без фундамента под тем предлогом, что он собирается жить только на втором этаже» [20]. Для Б. Констана счастье не является единственной целью человечества: «В этом случае наше поприще оказалось бы слишком ограниченным и наше предназначение – чересчур приземленным. <...> ...не к одному только счастью, а именно к совершенствованию влечет нас наша судьба. Политическая же свобода есть самое мощное, самое решительное средство совершенствования, ниспосланное нам небесами» [21].

Ему вторил британский философ и политический деятель Джон Стюарт Милль, который писал: «Я никогда не сомневался в правильности своего наблюдения, что счастье есть пробный камень всех жизненных правил, а вместе с тем и цель жизни. Но теперь я стал думать, что единственное средство достигнуть этой цели – это поставить ее на второй план, а не делать из нее непосредственной цели существования» [22, с. 126]. По его мысли, индивид – это постоянно совершенствующееся существо в соответствии со своими интересами, и счастье для него состоит в самореализации и уважении со стороны общества, которое создает для него максимальную свободу. В этом случае индивид ощущает полноту бытия и жизнь предстает перед ним в постоянно меняющихся красках. Отсюда принцип свободы «заключается в том, что... каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, – личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие» [23, с. 295]. Счастьем для Дж.С. Милля является также удовольствие, которое испытывает человек, раскрывая способности другого человека. «Только наиболее полное развитие нашего потенциала или потенциала другого открывает нам доступ к наиболее возвышенным формам человеческого счастья» [24, р. 27].

Сравнение двух подходов к использованию концепта «счастье» позволяет несколько уточнить вопрос становления либерализма в России в начале XIX в. Идеи либерализма проникали в страну из двух источников. Александра I привлекали идеи раннего американского либерализма, в которых он усматривал скорее мечту, чем практическую программу действий, потому с готовностью соглашался с распространением этих идей. Тем более что Ф.З. Лагарп в начале своей

деятельности также был окрылен либеральными идеями гуманизма и демократии. События Французской революции скорректировали его понимание всеобщей свободы.

В Россию либеральные идеи приходили именно в огласке постулатов французской политической мысли, а затем и политической практики. Они распространялись вначале в узком кружке высокопоставленной и, естественно, европейски образованной элиты, которая воспринимала основные формулировки и понятия у деятелей, составлявших «общественное течение, получившее название либертинаж в значении “свободомыслие”. Его представители придерживались философии наслаждения и отрицали религию как свод моральных норм и законов» [25, с. 164]. Именно потому «в 1830-е гг. в общественном сознании понятие “либерализм” стоит в одном ряду с противозаконными и безнравственными деяниями. <...> В конце 1840-х – начале 1850-х гг. в русском политическом сознании понятие “либерализм” в основном означает политическое течение, которое для достижения своих целей использует радикальные, революционные средства, воспринимаемые тем же общественным сознанием как безнравственные» [26, с. 174]. И должно было пройти еще несколько десятилетий активного внедрения освободительных идей, чтобы слово «либерализм» приобрело положительную коннотацию.

Политико-лингвистический анализ определенного концепта позволяет глубже понять исследуемое явление, его трансформацию и экспансию в общественном пространстве. Либерализм на раннем этапе своего развития основывался на широкой гуманистической базе, в его перспективу входили возможности счастья для всех, так сказать, индивидуального счастья во всечеловеческом масштабе. Конечно, это была мечта, но мечта, которая стимулировала деятельность активных людей на разных континентах. Со временем идеи либерализма уточнялись, обретали точность формулировок в политических программах. Задачи конкретизировались и сужались, мечта о всеобщем счастье отходила на задний план, хотя и не исчезала из либерального дискурса, и, наконец, свелась к прагматической реализации задач либеральной экономики и утилитарной толерантности в сфере нравственности.

Для краткой характеристики современной стадии либерализма воспользуемся формулировкой П. Брюкнера: «Лучшее доказательство того, что мы все так или иначе обуржуазились, – наше преклонение перед почти обожествленной экономикой. Ныне она играет роль Абсолюта, определяет степень нашего удовлетворения или недовольства, иначе говоря, не служит нам, а диктует нашу судьбу» [27, с. 36]. В настоящее время мир идеологически и геополитически находится в ситуации поиска новых опор для развития. Нужны столь же обширные, понятные всем концепты, какие находили первые либеральные мыслители XVII–XVIII вв. В основе этих концептов должны лежать нравственное начало и достижение блага для отдельной личности, из которого будет складываться достойная жизнь общества в целом. Опыт, накопленный политической наукой разных стран и континентов, составит остов будущих преобразований, в которых нуждается современный миропорядок. Глобализация, которая охватила практически все мировое пространство, нуждается в гармонизации и унификации права, более тесном социально-политическом, экономическом и духовном сотрудничестве государств, создании наднациональной концептуальной идеи развития мира с целью установления разумного контроля над стремительно меняющейся реальностью, где высшей ценностью будет являться человек с его неотчуждаемыми правами и законными интересами. И это задачи не ближайших поколений, а сегодняшнего дня.

Ссылки:

1. Dahrendorf R. The Future Tasks of Liberalism: A Political Agenda. L., 1988. P. 27. Цит. по: Соловьев К.А., Капустин Б.Г., Приходько С.В. Либерализм [Электронный ресурс] // Всемирная история: энциклопедия. URL: <https://w.histfr.ru/articles/article/show/liberalizm> (дата обращения: 26.12.2018).
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. 192 с.
3. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / пер. с нем. И. Иловайской. Париж, 1980. 549 с.
4. Либеральная традиция в США и ее творцы / отв. ред. Е.Ф. Языков, А.С. Манькин. М., 1997. 320 с.
5. Брюкнер П. Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье / пер. с фр. Н. Малевич. СПб., 2007. 240 с.
6. Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. Введение в основание нравственности и законодательства: основные начала уголовного кодекса. СПб., 1867. 678 с.
7. Там же. С. XLII–XLIII.
8. Там же. С. 3.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. Т. 2. М., 1960. 532 с.
10. Исаев С.А. Джон Локк и мировоззрение отцов-основателей США // Проблемы всемирной истории : сб. ст. в честь А.А. Фурсенко / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 2000. С. 194–201.
11. Там же. С. 201.
12. Валюженич А.В. Американский либерализм. Иллюзии и реальности. М., 1976. 344 с.
13. The Complete Writings of Thomas Paine : in 2 vols. / ed. by P. Foner. Vol. 1. N. Y., 1945.
14. Локк Дж. Указ. соч. С. 9.

15. Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. [Электронный ресурс] // Политобразование : информ.-аналит. портал. 2016. 29 окт. URL: <http://lawinrussia.ru/content/deklaratsiya-nezavisimosti-ssha-ot-4-iyulya-1776-goda-tekst> (дата обращения: 03.12.2018).
16. Там же.
17. Александр I и Джефферсон // Русская мысль. 1910. Октябрь.
18. Александр I – Т. Джефферсону // Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966.
19. Пушкин А.С. Дневник 1833–1835 гг. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1978. Т. 8.
20. Констан Б.О. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей [Электронный ресурс] / пер. с фр. и примеч. М.М. Федоровой // Гражданское общество в России : науч. электрон. б-ка. URL: https://www.civ-isbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svbode.pdf (дата обращения: 03.12.2018).
21. Там же.
22. Милль Дж.Ст. Автобиография. История моей жизни и убеждений. М., 2018. 384 с.
23. Милль Дж.Ст. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 288–392.
24. Skorupski J. Why Read Mill Today? Abingdon ; N. Y., 2007. 121 p.
25. Калашников М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе русского общественного сознания первой трети XIX века // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19.
26. Там же. С. 174.
27. Брюкнер П. Указ. соч. С. 36.

References:

- 'Alexander I and Jefferson' 1910, *Russkaya mysl'*, October, (in Russian).
- Bolkhovitinov, NN 1966, 'Alexander I to T. Jefferson', *Stanovleniye russko-amerikanskikh otnosheniy, 1775-1815*, Moscow, (in Russian).
- Bruckner, P 2007, *Perpetual Euphoria: On the Duty to Be Happy*, St. Petersburg, p. 36, (in Russian).
- Constant, HB 2018, 'Freedom for Ancient and Modern People', *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii: nauch. elektron. b-ka*, viewed 03 December 2018, <https://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svbode.pdf>, (in Russian).
- Dahrendorf, R 1988, *The Future Tasks of Liberalism: A Political Agenda*, New York, p. 27.
- Foner, P (ed.) 1945, *The Complete Writings of Thomas Paine*, in 2 vols., vol. 1, New York.
- Isaev, SA 2000, 'John Locke and the Worldview of the Founding Fathers of the United States', in BV Ananyich (ed.), *Problemy vsemirnoy istorii: sb. st. v chest' A.A. Fursenko*, St. Petersburg, pp. 194-201, (in Russian).
- Kalashnikov, MV 2001, 'The Concept of Liberalism in the Political Discourse of the Russian Public Consciousness of the First Third of the 19th Century', *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr.*, iss. 19, p. 174, (in Russian).
- Leontovich, VV 1980, *The History of Liberalism in Russia. 1762-1914*, Paris, 549 p., (in Russian).
- Locke, J 1960, *Two Treatises of Government*, selected philosophical works, in 2 vols., vol. 2, Moscow, p. 9, (in Russian).
- Mill, JSt 1995, 'Freedom', *O svobode. Antologiya zapadnoyevropeyskoy klassicheskoy liberal'noy mysli*, Moscow, pp. 288-392, (in Russian).
- Mill, JSt 2018, *Autobiography. The Story of My Life and Beliefs*, Moscow, 384 p., (in Russian).
- Pushkin, AS 1978, *Diary of 1833-1835*, complete works, in 10 vols., Leningrad, vol. 8, (in Russian).
- Selected Works of Jeremy Bentham* 1867, vol. 1, St. Petersburg, pp. XLII-XLIII, 3, St. Petersburg, (in Russian).
- Skorupski, J 2007, *Why Read Mill Today?*, Abingdon, New York, 121 p.
- Solovyev, KA, Kapustin, BG & Prikhodko, SV 2018, 'Liberalism', *Vsemirnaya istoriya: entsiklopediya*, viewed 26 December 2018, <<https://w.histrf.ru/articles/article/show/liberalizm>>, (in Russian).
- 'United States Declaration of Independence of July 04, 1776' 2016, *Politobrazovaniye: inform.-analyt. portal*, October 29, viewed 03 December 2018, <<http://lawinrussia.ru/content/deklaratsiya-nezavisimosti-ssha-ot-4-iyulya-1776-goda-tekst>>, (in Russian).
- Valyuzhenich, AV 1976, *American Liberalism. Illusions and Realities*, Moscow, 344 p., (in Russian).
- Vorkachev, SG 2004, *Happiness as a Linguocultural Concept*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Yazykov, EF & Mankin, AS (eds.) 1997, *Liberal Tradition in the United States of America and Its Creators*, Moscow, 320 p., (in Russian).